

ВЪ СЕВАСТОПОЛѢ — 50 ЛѢТЪ ТОМУ НАЗАДЪ.

Я пріѣхалъ въ Севастополь въ началѣ 1854 года, какъ туристъ, и нѣкоторое время оставался безъ дѣла; переводъ мой изъ Балтійскаго флота въ Черноморскій, о которомъ я хлопоталъ, долго не осуществлялся и только весной В. А. Корниловъ взялъ меня въ должность своего «флагъ - офицера». Насъ, «флагъ - офицеровъ», было четверо, въ томъ числѣ 2 штабъ-офицера (я и еще здравствующій сослуживецъ мой, кн. В. И. Барятинскій) и 2 лейтенанта, но обязанности наши были нѣсколько различны и значительно шире тѣхъ, которыя обыкновенно возлагаются на «флагъ - офицеровъ». Весь флотъ стоялъ вооруженнымъ на рейдахъ Севастополя, подраздѣляясь на двѣ эскадры: въ глубинѣ Большого рейда стояла эскадра Нахимова; въ Южной бухтѣ и ближе къ выходу въ море, эскадра Корнилова, который имѣлъ флагъ на кораблѣ «Великій Князь Константинъ». Адмиралъ жилъ на берегу, но пріѣзжалъ каждый день къ 8 ч. утра и оставался на кораблѣ часа два или болѣе; затѣмъ онъ съѣзжалъ на берегъ и всѣ текущія распоряженія по эскадрѣ оставались до слѣдующаго утра на отвѣтственности дежурнаго флагъ - офицера. Сверхъ того, въ его же распоряженіи состоялъ главный наблюдательный постъ на крышѣ офицерской библіотеки, съ высоты котораго открывался далекій горизонтъ моря. Тамъ постоянно находился одинъ изъ младшихъ офицеровъ, причисленныхъ къ нашему штабу съ нѣсколькими сигнальщиками съ корабля.

Но наши занятія, какъ флагъ-офицеровъ, не ограничивались, однако этими дежурствами. Каждый изъ насъ имѣлъ спеціальныя порученія Корнилова. Самъ неумоимо дѣятельный онъ умѣлъ заставлять осмысленно работать и всѣхъ окружающихъ.

Когда Владиміръ Алексѣвичъ Корниловъ сдѣлался *de facto* начальникомъ сухопутной обороны Севастополя, то онъ окончательно поселился на берегу, проводя цѣлые дни въ объѣздѣ различныхъ частей нашей оборонительной линіи. Мы всѣ должны были слѣдовать за нимъ и обзавестись верховою лошадью — и даже не одною, а двумя, потому что одной часто оказывалось недостаточно. Корниловъ занялъ домъ подрядчика Волохова, самый большой домъ въ то время въ Севастополѣ, въ которомъ нашлось довольно мѣста и для всѣхъ насъ.

Вначалѣ адмирала сильно беспокоило положеніе нашего лѣваго фланга (т. е. Корабельной стороны съ Малаховымъ курганомъ), который до тѣхъ поръ оставался вовсе неукрѣпленнымъ и, будучи совсѣмъ отрѣзанъ отъ главной позиціи Южной бухтой, болѣе всего подвергался опасности. Я помню, что мнѣ было поручено составить планъ эвакуаціи нашей позиціи на Корабельной сторонѣ и переправы оттуда войскъ къ главнымъ силамъ въ городъ (*). Къ счастью, этого не понадобилось, и черезъ нѣсколько дней былъ уже готовъ плавучій мостъ черезъ Южную бухту, подавшій черезъ нѣсколько мѣсяцевъ идею большого моста черезъ Главную, или Большую Севастопольскую бухту, по которому совершилось отступление нашихъ войскъ изъ Севастополя 27-го августа 1885 г.

Если Корниловъ старался одушевить войска своими пламенными рѣчами, если онъ говорилъ солдатамъ: «Отступленія ни въ какомъ случаѣ не будетъ», и пр. (**), то, какъ трезво мыслящій предводитель, онъ не могъ этого думать въ душѣ и заботился о возможномъ упорядоченіи отступленія, если бы оно сдѣлалось неизбежнымъ. Надо было разработать и приготовить на всякій случай планъ отступленія съ Городской стороны и переправы гарнизона на Сѣверную. Было сдѣлано полное расписаніе этой операціи, въ которой должны были принять участіе всѣ наши средства — немногочисленные пароходы, имѣвшіеся при эскадрѣ, и всѣ гребныя суда, сколько

(*) Приказъ № 96 (21-го сентября). Жандръ Матеріалы, стр. 244.

(**) Жандръ, стр. 228. Но, сопровождая адмирала въ его разъѣздахъ, я самъ, лично, этихъ словъ не слыжалъ.

ихъ можно было набрать. Корниловъ желалъ, чтобы все, касающееся этого плана, содержалось въ полномъ секретѣ. Я долженъ былъ приходить со своимъ докладомъ по этому порученію только поздно вечеромъ, когда всѣ расходились и самъ адмиралъ удалялся на покой въ свою спальню. По наружности, я занимался устройствомъ и урегулированіемъ ежедневнаго правильнаго сообщенія по бухтѣ между осажденнымъ городомъ и его базой, т. е. Сѣверною стороною, откуда шло все снабженіе и всѣ подкрѣпленія гарнизона. Такимъ образомъ всѣ переправочныя и перевозочныя средства оставались съ этого времени и до конца обороны на моихъ рукахъ, и я старался ихъ поддерживать, сохранять и исправлять, насколько это было возможно. Но, конечно, не будь построена мостъ черезъ Большую Севастопольскую бухту, этихъ средствъ было бы далеко недостаточно, чтобы позволить намъ, послѣ взятія Малахова кургана, совершить эвакуацію города такъ успѣшно, какъ это удалось сдѣлать.

Но вотъ наступило и 5-е октября 1854 г. Великолѣпный осенній день, солнечный и теплый, какіе бываютъ только на югѣ. Съ разсвѣтомъ началась бомбардировка. Корниловъ поскакалъ на оборонительную линію, и я его догналъ уже на 4-мъ бастіонѣ. Отсюда онъ направился вдоль оборонительной линіи, слѣдуя ея очертанію, направо, т. е. по направленію къ 5-му бастіону. Но лошади наши съ непривычки пугались выстрѣловъ; это заставило меня потерять нѣсколько времени, и я рѣшился отправиться прямымъ путемъ на 5-й бастіонъ, рассчитывая тамъ соединиться съ Корниловымъ. На 5-мъ бастіонѣ я нашелъ адмирала П. С. Нахимова, который встрѣтилъ меня словами: «Ну-съ, а гдѣ же теперь Владиміръ Алексѣевичъ? Вотъ-съ гдѣ ему слѣдовало бы быть. Посмотрите, что тутъ дѣлается».

П. С. Нахимовъ, при всѣхъ его высокихъ доблестяхъ, имѣлъ, какъ извѣстно, довольно маленькихъ слабостей. Одна изъ его слабостей состояла въ придирчивости, съ которою онъ расположенъ былъ критиковать поступки В. А. Корнилова. Оба принадлежали къ той же школѣ, образовавшейся подъ крыломъ Лазарева, оба любили и уважали другъ друга, но въ

ихъ отношеніяхъ со стороны Нахимова проглядывалъ особый оттѣнокъ. Будучи по службѣ старше своего товарища, онъ никогда не могъ забыть, что былъ обойденъ этимъ послѣднимъ, когда Корниловъ, по избранію того же Лазарева, сдѣлался начальникомъ штаба Черноморскаго флота. Невинныя выходки противъ болѣе счастливаго товарища прорывались часто, но въ глубинѣ души онъ его горячо любилъ и вѣрилъ въ него. Я помню одинъ вечеръ. Было уже поздно, но Нахимовъ засидѣлся у насъ. Изъ окна дома, въ которомъ жилъ Корниловъ, былъ видъ на Мекензіеву гору и можно было видѣть ясно бивачные огни непріятельской арміи. Непріятель, обойдя наши сѣверныя укрѣпленія, переходилъ на южную сторону, т. е. къ городу. Я былъ одинъ свидѣтелемъ сцены, которой никогда не забуду. Нахимовъ упалъ духомъ и расплакался, какъ дитя. Ему казалось, что все уже погибло. Владиміръ Алексѣевичъ былъ невозмутимо хладнокровенъ и спокоенъ и не прежде простился и отпустилъ Павла Степановича, пока не утѣшилъ и не успокоилъ его. Положеніе дѣлъ на 5-мъ бастионѣ дѣйствительно было далеко не такое, какого можно было желать. Длинный рядъ слишкомъ часто разставленныхъ большихъ орудій на морскихъ станкахъ, съ многочисленной прислугой, представлялъ такой же видъ, какой имѣли во время тревоги батарейныя палубы кораблей той эпохи. Люди были такъ скучены, что, казалось, «негдѣ было яблока бросить», а между тѣмъ въ эту человѣческую массу врывались одинъ за другимъ непріятельскіе снаряды, какъ въ знакомое гнѣздо, съ такою же точностью, какъ билліардные шары въ лузы. Непріятельскія орудія, дѣйствовавшія по бастиону, были очевидно заблаговременно, можетъ быть наканунѣ еще, навѣдены и всѣ снаряды ложились въ цѣль, хотя непріятель былъ для насъ невидимъ, слѣдовательно, и самъ не могъ насъ видѣть. Густой утренній туманъ солнечнаго осенняго дня еще наполнялъ ложбины и стоялъ непроницаемой стѣной передъ дуломъ нашихъ орудій. Тѣмъ не менѣе, неопытные еще въ бою комендоры наши, не видя цѣли, впопыхахъ боевой горячки палили на-пропалую, едва успѣвая заряжать орудія. Происходило дѣйствительно нѣчто весьма нежелательное. Мы

тратили порохъ и снаряды на воздухъ, и при такой тратѣ можно было опасаться, что скоро въ нихъ окажется недостатокъ.

— Вотъ-съ, я пойду по фронту направо, а вы идите налѣво, — сказалъ мнѣ Павелъ Степановичъ, — и старайтесь успокоить и вразумить комендоровъ.

Но это было легче сказать, чѣмъ исполнить. Подойдешь къ комендору — толкуешь, толкуешь, что бесполезно стрѣлять, когда впереди ничего не видно, что надо приберечь выстрѣлъ на тотъ моментъ, когда можно будетъ рассмотреть цѣль.

— Есть, есть, — говорилъ онъ.

— Ну, понялъ?

— Понялъ, понялъ, ваше в-іе!

Но едва повернешься къ нему спиною, какъ бацъ! раздается новый выстрѣлъ.

Здѣсь я получилъ мое, такъ называемое, боевое крещеніе. Непріятельское ядро сорвало голову комендора, подлѣ котораго я стоялъ, и все, что было въ этой несчастной головѣ, попало мнѣ въ лицо и на мою новую солдатскую шинель тонкаго сукна (*). В. А. Корниловъ, который между тѣмъ уже пріѣхалъ на бастіонъ, замѣтивъ мое печальное положеніе, сказалъ мнѣ:

— Поѣзжайте переодѣться. Я самъ отсюда проѣду прямо домой, и будемъ пить чай.

За этимъ чаемъ, гдѣ насъ было человѣкъ десять или двѣнадцать, я видѣлъ нашего героя въ послѣдній разъ. Онъ палъ черезъ нѣсколько часовъ, и послѣднія слова его были: «Отстаивайте же Севастополь!»

Въ этихъ словахъ слышится какъ бы завѣщаніе Корнилова, какъ будто онъ хотѣлъ ими сказать: «Я свое дѣло сдѣлалъ; дѣлайте же вы теперь ваше!»

За нѣсколько дней предъ тѣмъ, мы возвращались съ одного изъ объѣздовъ оборонительной линіи. Мы выѣхали сначала, какъ обыкновенно, въ довольно большемъ числѣ, но мало по

(*) Эпизодъ этотъ съ подробностью описанъ моимъ сослуживцемъ, видѣвшимъ его, кн. В. И. Барятинскимъ въ его неизданныхъ запискахъ.

малу Корниловъ, по своему обычаю, разослалъ всѣхъ съ разными порученіями: «Вы поѣзжайте къ тому-то и скажите то-то; съѣздите туда то, узнайте или справьтесь о чемъ нибудь» и т. д., и подъ конецъ я, будучи въ тотъ день дежурнымъ флагъ-офицеромъ, остался съ нимъ одинъ. Сзади ѣхали одинъ или два казака, и Корниловъ началъ говорить такъ:

— Ну, кажется, мы сдѣлали теперь все, что возможно было сдѣлать, и все, что могла указать человѣческая предусмотрительность. Остается ожидать, что будетъ.

Дѣйствительно, все, казалось, было сдѣлано. Всѣ огромныя средства флота были обращены на защиту города, оборона наша была теперь твердо организована и все это сдѣлалъ одинъ этотъ человѣкъ, но въ словахъ его теперь какъ будто слышалось (въ первый и единственный разъ) нѣкоторая усталость и невольный упадокъ духа. И мнѣ въ эту минуту стало жаль великаго подвижника. Я сказалъ, что у меня есть какъ бы предчувствіе, что къ концу года все окончится благополучно и на Рождествѣ, когда церковь благодарственно молится за избавленіе отъ нашествія 1812 года, мы присоединимъ нашу новую молитву за избавленіе отъ нашествія англо-французовъ на Севастополь.

— Нѣтъ,—возразилъ Корниловъ,—для меня это былъ бы слишкомъ долгій срокъ. Развѣ вы не замѣчаете, видя меня каждый день, что вся моя настоящая дѣятельность поддерживается искусственнымъ напряженіемъ, которое долго продолжаться не можетъ. Такъ или иначе, но для меня развязка должна придти скорѣе.

И, дѣйствительно, ему недолго пришлось ожидать развязки.

Вечеромъ, того же 5-го октября, когда уже совсѣмъ стемнѣло, погребальная процессія направилась изъ дома Волохова въ храмъ св. Владиміра. Мы несли на своихъ рукахъ гробъ убитаго адмирала. Черное небо надъ нами было усыпано тысячами звѣздъ, и послѣдніе выстрѣлы бомбардировки провожали наше шествіе. Адмиралъ Нахимовъ, желая самъ нести гробъ, хотѣлъ, чтобы я уступилъ ему свое мѣсто, но я помню, что я не согласился.

Въ этотъ день погибъ также любимый товарищъ мой, графъ Эдуардъ Рачинскій. Выдающагося молодого офицера этого ожидала блестящая карьера. Ему не было еще 30 лѣтъ, но онъ былъ уже капитанъ-лейтенантомъ и старшимъ офицеромъ, кажется, на кораблѣ «Двѣнадцать Апостоловъ». Безъ ума влюбленный въ одну изъ нашихъ севастопольскихъ дамъ, онъ, повидимому, самъ искалъ смерти. Вступивъ въ командованіе 3-мъ бастіономъ послѣ того, что уже выбыли изъ строя одинъ за другимъ два или три его предмѣстника, онъ очень скоро послѣдовалъ за ними. Но въ этой судьбѣ замѣчательно то, что онъ исчезъ безслѣдно! пропалъ безъ вѣсти!

Что можно пропасть безъ вѣсти на морѣ, въ походѣ, или даже въ сраженіи на открытомъ полѣ, гдѣ позиціи сражающихся мѣняются, это еще понятно. Но пропасть безъ вѣсти на своей собственной батарее болѣе удивительно,—хотя примѣръ этотъ не единственный и показываетъ только, въ какомъ состояніи разрушенія и хаоса находились наши земляные бастіоны послѣ одного дня усиленной бомбардировки, когда не нашлось никакихъ признаковъ и слѣдовъ существованія—и не кого-либо изъ младшихъ чиновъ, рядового или артиллерииста, а самого начальника бастіона.

Я не стану повторять, что, не случись Корниловъ въ Севастополѣ, никогда бы не могла организоваться титаническая оборона, прославившая мощь нашей силы сопротивленія. Примѣровъ личной храбрости намъ не стать искать, но никто другой на его мѣстѣ изъ лицъ, которыхъ я видѣлъ тогда на дѣлѣ, не сдѣлалъ бы ничего подобнаго. Но Корниловъ былъ не только организаторомъ матеріальной части обороны, не только инициаторомъ и вдохновителемъ геройскаго духа въ личномъ составѣ, надо еще прибавить, что по какому то счастливому случаю открылъ Тотлебена и призвалъ его къ дѣятельности. Въ самомъ дѣлѣ, матеріальныя средства, высокій духъ гарнизона—все это хорошо, но все это только средства, которымъ не доставало руководителя—и такимъ руководителемъ явился Тотлебенъ.

Молодой инженерный офицеръ, онъ обратилъ на себя особенное вниманіе при осадѣ Силистріи и впоследствии, когда осада эта была снята, и ему, какъ инженеру, не было прямого занятія при Дунайской арміи, онъ самъ отпросился въ Севастополь, чтобы посмотреть, что тамъ дѣлается, или это было ему предложено, какъ награда, начальствомъ. Въ Севастополь онъ былъ любезно принятъ Главнокомандующимъ, но только какъ туристъ, никакого служебнаго порученія не имѣющій. Князь Меншиковъ бралъ его съ собою, когда обзвѣждалъ наши позиціи, толковалъ съ нимъ о фортификаціонной наукѣ, о Монталамберѣ и т. д.—и только. Дѣла ему никакого не давалось и Тотлебенъ, тяготясь такой неопредѣленностью положенія, началъ думать о своемъ возвращеніи къ Дунайской арміи, когда послѣдовала высадка непріятеля на Алмѣ. Тотлебенъ поѣхалъ въ главную квартиру и просилъ князя Меншикова дать ему назначеніе, или разрѣшеніе уѣхать. Князь разрѣшилъ послѣднее. Возвратясь въ Севастополь, Тотлебенъ отправился сдѣлать прощальный визитъ Корнилову и сообщилъ ему, что князь отпустилъ его изъ Севастополя. «Какъ это можно!» воскликнулъ Корниловъ. «Если вы князю не нужны, то вы мнѣ будете нужны. Мнѣ поручена теперь оборона Сѣверныхъ укрѣпленій. Мои силы состоятъ изъ флотскихъ баталіоновъ наскоро сформированныхъ; при мнѣ нѣтъ ни одного офицера генеральнаго штаба и мнѣ неоткуда его взять. Я причисляю поэтому васъ къ себѣ». Таково было начало славнаго поприща Тотлебена въ Севастополь.

Флотскіе батальоны, свезенные на Сѣверную сторону, составили бригаду, которою командовалъ адмиралъ Новосильскій. Корниловъ сдѣлалъ имъ смотръ, но когда Тотлебенъ долженъ былъ объяснить этой, вновь созданной, пѣхотѣ нѣкоторые тактическіе приемы и движенія, которыя могли имъ предстоять, Новосильскій перебилъ его словами:

— Нѣтъ, нѣтъ; вы насъ приведите и поставьте, гдѣ намъ слѣдуетъ стоять, а ужъ драться мы будемъ.

Дѣло въ томъ, что десантныхъ ученій въ черноморскихъ эскадрахъ никогда не дѣлалось и, какъ нижніе чины, такъ и высшіе, рѣшительно ничего не знали и не понимали въ

службѣ на сухомъ пути. Но уже на другой день положеніе выяснилось. Непріятель обходилъ стѣверныя укрѣпленія и направлялся на южную сторону бухты, т. е. къ городу. Флотскіе батальоны адмирала Новосильскаго перешли на южную сторону и Корниловъ вступилъ въ роль главнаго начальника военныхъ силъ гарнизона, а Тотлебенъ, оставаясь при немъ, въ свою настоящую, прославившую его имя, роль главнаго инженера и руководителя оборонительныхъ работъ. Защитникъ Севастополя, и впоследствии покоритель Плевны. Много было у насъ доблестныхъ и храбрыхъ военныхъ людей, но заслуги ихъ не могутъ быть поставлены рядомъ съ заслугами Тотлебена.

Послѣ смерти Корнилова, его замѣнилъ по старшинству адмиралъ М. Н. Станюковичъ. Весь довольно многочисленный штабъ нашъ поступилъ въ полномъ составѣ къ новому начальнику, при чемъ по распоряженію свыше велѣно было оставить каждаго изъ насъ при тѣхъ занятіяхъ и порученіяхъ, какія мы имѣли у Корнилова. Такимъ образомъ, у меня на рукахъ осталось завѣдываніе всѣми сообщеніями по бухтѣ и всѣ перевозочныя или переправочныя средства, и я продолжалъ ими завѣдывать до конца осады, т. е. до 27-го августа 1855 года.

Между тѣмъ время шло. Подходили новыя войска изъ Россіи, и главнокомандующій рѣшился дать сраженіе, сдѣлавшееся извѣстнымъ подъ именемъ Инкерманскаго. Наши войска должны были атаковать наиболее выдающийся правый флангъ непріятельской позиціи, направляясь къ нему съ двухъ сторонъ: одна часть войска должна была двинуться со стороны Инкерманской долины; другая, болѣе многочисленная, переправленная ночью съ стѣверной стороны, т. е. лѣвой оконечности нашей оборонительной линіи, должна была выступить на городскую.

Всѣ приготовленія старались держать въ секретъ и только меня спросили, какое наибольшее число войскъ можемъ мы переправить въ теченіе одной ночи, съ наступленія полной темноты до разсвѣта. Занимаясь все время подобными соображеніями, я не затруднился представить расчетъ, по которому оказывалось возможнымъ перевезти двѣ пѣхотныхъ

дивизіи въ полномъ четырехъ-полковомъ составѣ съ принадлежащими къ нимъ батареями артиллеріи (*).

На основаніи этого расчета и были сдѣланы всѣ предварительныя распоряженія, которыя приказано было содержать въ строгой тайнѣ, и никакихъ приготовленій и передвиженій не дѣлать до наступленія ночной темноты. Но предположенное движеніе откладывалось нѣсколько разъ со дня на день. Каждый вечеръ, какъ только темнѣло, я отправлялся на Сѣверную сторону, гдѣ жилъ главнокомандующій, и онъ каждый разъ откладывалъ по разнымъ причинамъ затѣянное дѣло до слѣдующаго дня. Разъ, помню, я ждалъ по обыкновенію около домика, въ которомъ жилъ князь Меншиковъ, приказанія начать переправу, какъ въ дверяхъ показался генераль Даненбергъ, который долженъ былъ командовать и дѣйствительно командовалъ въ Инкерманскомъ сраженіи, и, очевидно очень довольный, объявилъ мнѣ, что главнокомандующій по его просьбѣ опять отложилъ все до слѣдующаго дня, чтобы Инкерманское дѣло не приходилось въ годовщину Ольтеницкаго сраженія, проиграннаго имъ, Даненбергомъ, годъ тому назадъ, въ Княжествахъ.

Всѣ эти дни я ложился отдыхать послѣ полудня, чтобы быть свѣжимъ на всю ночь. Такъ было я расположился сдѣлать и въ этотъ разъ, какъ за мною прислалъ Н. М. Станюковичъ.

—Я сейчасъ отъ князя,—сказалъ адмиралъ,—который меня требовалъ къ себѣ, чтобы сообщить, что у него былъ П. Ст. Нахимовъ и доложилъ, что хотя онъ только случайно узналъ о приготовленіяхъ къ переправѣ войскъ, но считаетъ долгомъ предупредить, что предположенная операція, затѣянная въ слишкомъ большихъ размѣрахъ, вовсе неисполнима. Что вы на это скажете?—спросилъ меня адмиралъ,—увѣрены-ли вы въ вашихъ расчетахъ?

(*) Сколько именно было батарей, я теперь не помню и не имѣю подъ руками никакихъ документовъ. Но я пишу здѣсь не исторію, а описываю только свои впечатлѣнія. Положительныхъ свѣдѣній и цифръ надобно искать въ болѣе серьезныхъ сочиненіяхъ.